

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

**НОВГОРОДСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Основан в 1936 году

Возобновлен в 1982 году

Великий Новгород
2015

М. А. Шибяев

НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКИЙ СВОД И ПРОТОСКРИПТОРИЙ ЕВФИМИЯ II

При анализе летописных текстов XV в., связанных с Новгородом, одной из центральных и дискуссионных проблем до сих пор остается вопрос о так называемом Новгородско-Софийском своде, появившемся как гипотеза под пером наиболее авторитетного исследователя русских летописей академика А. А. Шахматова. На основании сличения Софийской 1 летописи (далее – С1) и Новгородской 4 летописи (далее – Н4) А. А. Шахматов реконструировал их общий протограф – свод 1448 г. Впоследствии исследователь пересмотрел датировку свода, но не сам факт его существования, и при этом им было дано новое название этого гипотетического текста – Новгородско-Софийский свод¹, который был одним из этапов митрополичьего летописания и опирался на Фотиев Полихрон. Гипотетическую реконструкцию свода осложняет существование так называемой Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК), дошедшей в единственном списке конца XV в. Особенность этой летописи заключается в том, что ее текст разделен на как бы на две самостоятельные летописи или подборки, следующие друг за другом. Первая подборка (далее – НК1) содержит текст от самого начала, включая ПВЛ, и доходит до 1411 г. включительно. Вторая подборка (далее – НК2) – от 988 г. и до 1428 г. включительно. Еще А. А. Шахматовым было замечено, что если последовательно соединить годовые статьи обеих подборок, то получится текст, очень схожий и даже в некоторых местах первичный по отношению к Н4. Несмотря на то, что А. А. Шахматовым были намечены общие контуры решения проблемы взаимоотношения С1-Н4-НК, удовлетворительной концепции, снимающей все противоречия, так и не было создано. Это послужило причиной того, что в последние десятилетия соотношение текстов летописей стало предметом активной дискуссии, ведущейся по сегодняшний день². Дей-

---

¹ Шахматов А. А. Летописи (статья из нового энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона. Т. XXV) // Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 366–367.

² Начало дискуссии см.: Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 года и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.

ствительно, несмотря на огромный вклад А. А. Шахматова в изучение и систематизацию летописных текстов, есть возможность для пересмотра некоторых весьма гипотетических шахматовских построений. Если саму методику работы А. А. Шахматова с летописными текстами можно сравнить с методом «больших скобок» (по удачному определению М. Д. Приселкова³), то наследие ученого подобно огромному хорошо спланированному, но, тем не менее, незаконченному зданию. В этих условиях необходимо очень осторожно и взвешено подходить к шахматовскому наследию в отношении гипотетических сводов. Так, Г. М. Прохоров предложил для решения вопроса о близости Н4, НК и С1 и вообще отказаться от гипотезы общего протографа (Новгородско-Софийского свода) и решать текстологическую проблему в рамках существующих и дошедших до нас текстов. Исследователь выдвинул гипотезу о том, что протограф Н4 представлял собой как раз текст, первоначально существовавший в виде двух подборок и впоследствии соединенный в единую летопись. По мнению Г. М. Прохорова, сначала был создан текст НК1, включающий в себя ПВЛ и являющийся соединением летописи типа Новгородской 1 летописи (далее – Н1) и центральнорусского источника типа Лаврентьевской (далее – Лавр.) и Троицкой (далее – Тр.). Затем на его основе была создана С1, текст которой был дополнен и сверен по тем же источникам, что и НК1. После этого в Новгороде НК1 и С1 были сличены между собой, и дополнения, внесенные в С1 по отношению к НК1, были выписаны в отдельную подборку, и к ним добавлены известия снова по центральнорусской летописи (типа Тр.) и новгородской (типа Н1). В результате этой работы мы имеем текст НК2. В работах А. Г. Боброва была поддержана точка зрения Г. М. Прохорова о том, что не существовало общего протографа Н4-НК и С1. Отличием концепции А. Г. Боброва является то, что НК2 непосредственно не восходил к С1, а у них был общий протограф – Свод 1418 года, или «Летописный свод митрополита Фотия», датируемый 1418–1419 гг.⁴ Б. М. Клосс также является сторонником существования свода митрополита Фотия – общего источника С1 и Н4⁵. Между тем, по нашим наблюдениям, свод митрополита Фотия, или, как его определял А. А. Шахматов, «Владимирский Полихрон», в настоящий момент является историографическим фантомом и может быть исключен из системы летописных текстов XV в.⁶ Вместе с тем гипотеза А. А. Шахматова о Новгородско-Софийском своде представляется нам по-прежнему продуктивной, но при этом решаться она должна в рамках несколько иных представлений о движении летописных текстов, поскольку при традиционном анализе соотношения текстов С1-НК1-НК2-Н4

---

³ Приселков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОРЯС. 1921. Т. 25. С. 128–135.

⁴ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 128–160.

⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 110.

⁶ Шибанов М. А. Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. Вып. 2. (48). С. 83–95.

можно наблюдать определенный логический тупик. То, что протограф Н4 мог восходить к двум выборкам (НК1 и НК2), признается в настоящий момент большинством исследователей, в том числе и автором этих строк. При этом соотношение двух выборок НК и С1 остается неразрешимой проблемой. Исследователи, полагающие, что С1 восходит к НК1, а НК2 в свою очередь к С1, вынуждены признать либо титаническую работу по многократной вычитке всех летописей и сравнению с друг другом, либо большое число промежуточных звеньев. Дело в том, что несмотря на явную первичность текста НК1 по отношению к С1, есть и обратные примеры очевидной первичности текста С1 по отношению к НК1⁷. Более того, с конца XII в. в НК1 и С1 почти отсутствуют годовые статьи, с одинаковой точностью передающие текст Н1⁸. Еще более сложная картина представляется при анализе соотношения текстов НК2 и С1. При общей первичности текстов С1 по отношению к НК2 в последней присутствуют и первичные чтения⁹. А. Г. Бобров показал, что НК2 представляет собой выборку из более раннего текста, чем тот, что дошел до нас в составе С1¹⁰. Н. И. Милютенко, со своей стороны, в целом признавая логику взаимоотношений текстов НК1-С1-НК2, выдвинутую Г. М. Прохоровым, тем не менее отметила, что НК2 была задумана как редакция С1 с целью устранения вопиющих ляпусов и на последних этапах даже соотношения между С1 и НК2 могли меняться: правка могла раньше отразиться в С1¹¹. Таким образом, следуя логике Н. И. Милютенко, составители С1 и НК2 неизбежно должны были работать в одном книгописном центре. Между тем С1 (в отличие от НК, новгородское происхождение которой очевидно), несмотря на преобладание в ней новгородского материала, имеет четкую прамосковскую идеологическую ориентацию¹². Итак, при исключении Новгородско-Софийского свода схема взаимоотношения летописных текстов XV в. не только не упрощается, но и значительно усложняется, теряет логичность и требует дополнительных промежуточных звеньев.

При исключении Новгородско-Софийского свода мы будем вынуждены признать, что составители всех текстов (С1-НК1-НК2) вели себя крайне иррационально и непоследовательно. Иногда скрупулезно вычитывая и восстанавливая первичные чтения, они тут же допускали ошибки, не сверяясь при этом с первоисточниками. Данная бессмыслица может быть объяснена только в рамках другой логики, рассматривающей НК в целом как отражение метатекста-протографа летописей

---

⁷ *Шибает М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской 1 летописи // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст.* Вып. 3. СПб., 2000. С. 379–380.

⁸ Там же. С. 375.

⁹ *Прохоров Г. М.* Летописные подборки... С. 179–181; *Шибает М. А.* Редакторские приемы составителя... С. 380–381.

¹⁰ *Бобров А. Г.* Новгородские летописи. С. 147.

¹¹ *Милютенко Н. И.* Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // *Летописи и хроники. Новые исследования.* 2008. М.: СПб., 2008. С. 49.

¹² *Шибает М. А.* Редакторские приемы составителя... С. 389–393.

новгородско-софийской группы, не тождественного при этом каждой из дальнейших линий. В настоящий момент мы пришли к выводу, что НК представляет собой беловой список одного из этапов составления Новгородско-Софийского свода. Первоначальный вариант Новгородско-Софийского свода представлял собой две выборки, следующие друг за другом подобно НК. При этом вполне вероятно предположить наличие в этом первичном черновом варианте большого количества дополнений, вставок, маргиналий на полях, которые по-разному отразились в С1 и НК-Н4. Недавно Т. Г. Гимон высказал в качестве гипотезы мысль о том, что протограф новгородско-софийских летописей уже имел структуру, подобно НК и состоял из двух частей¹³. Доказательством пользования составителя С1 двумя летописными подборками, а не единым текстом, служат необъяснимые переносы некоторых известий в С1 под другие годы. Под 6665 (1157) г. в С1 читаются известия, относящиеся к 6662–6663 (1154–1155) гг. В статье С1 за 6665 г. идет сначала полностью статья НК1 6665 г., затем статьи НК2 за 6662–6663 гг. и заключает статья НК2 6665 г. Аналогичная ошибка составителем С1 была допущена и под 6703 г. Эта годовая статья содержит, помимо известий 6703 г., полностью годовую статью НК2 за 6722 г., а затем и практически полностью статью НК 6723 г. за исключением небольшого известия о закладке церкви св. Спаса, что вообще объяснимо для промосковской летописи. При этом не прослеживается логическая связь между известиями 6665 г. и 6662–6663 гг., 6703 г. и 6722–6723 гг. соответственно. Возможная путаница листов в протографе С1 неизбежно привела бы к утрате и порче некоторой части текста, чего мы не наблюдаем. Переносы в С1 также невозможно объяснить применением другой хронологической сетки. При этом обратим внимание, что в С1 оказались переставлены не на место известия, сближающиеся с НК2, а не НК1. Можно предположить, что сбой в хронологии в С1 вызваны ошибками «постоянного перелистывания», когда сводчик был вынужден постоянно сводить оба текста, листовая рукопись своего протографа туда и обратно. Таким образом, можно реконструировать работу составителя С1, сначала обращавшегося к годовой статье первой выборки, а затем соединявшего ее со сведениями второй выборки. Неудивительно, что в ходе такой достаточно сложной работы в двух случаях была допущена ошибка.

Итак, формулируя свой взгляд на проблему соотношения текстов Новгородско-Софийского свода, мы склоняемся к мысли, что дошедший в НК текст является списком с черновика Новгородско-Софийского свода. То есть в своей основе свод представлял собой первоначально также две выборки, предназначенные для сведения в один летописный текст. Обе летописные подборки (типа НК1 и НК2) представляли собой заготовки для соединения в единый текст, который в конце концов был и создан – Н4. При этом у нас нет оснований полагать самостоятельное значение и бытование подборок. А. Г. Бобров полагает, что к составле-

---

¹³ Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 17.

нию НК1 как самостоятельной летописи мог иметь отношение Юрьевский архимандрит Варлаам, находящийся некоторое время в Троице-Сергиевом монастыре и, помимо НК1, создавший в ее стенах один из списков Лествицы Иоанна Синайского, датируемой по выходной записи 1411 г. (РГБ, Ф. 304, Собр. ТСЛ, I, № 156)¹⁴. Б. М. Клосс также считал Варлаама активным общерусского летописания¹⁵. А. Г. Бобров придает большое значение известию (6919) 1411 г. о свадьбе дочери великого князя Василия Дмитриевича Анны и наследника византийского престола Иоанна Палеолога, читающейся в последней годовой статье НК1. Как полагает исследователь, «об этом говорили буквально в те дни, когда Варлаам жил в Троице-Сергиевом монастыре»¹⁶. Между тем достоверно установлено, что свадьба имела место в 1414 г. и летописная дата ошибочна¹⁷. Более того, отсутствие указания на месяц и день столь незаурядного политического события свидетельствуют об очень поздней, отсюда и ошибочной летописной фиксации данного события в летописании, в отличие от актового материала¹⁸. Можно предположить, что оно вообще не отразилось в московском летописании и было воспроизведено новгородским летописцем исходя из собственных припоминаний или устных источников. Все это приводит нас к выводу, что составление НК1 может быть отнесено ко времени, значительно позднему, чем 1414 г. и тем более 1411 г. Участие новгородского архимандрита в летописании более чем сомнительно, тем более, что нет ни одного прямого доказательства тождества новгородского Варлаама и переписчика троицкой Лествицы 1411 г. Участие новгородского архимандрита в качестве простого переписчика не имеет логических оснований, поскольку рукопись, написанная в Троице, осталась в том же монастыре, и следов последующего бытования ее в Новгороде не обнаружено. Еще более странно, что действующий новгородский архимандрит пишет Лествицу на имя даже не игумена Троицкой обители (Никона Радонежского), а всего лишь священноинока Матфея. Более того, по нашим наблюдениям, троицкий Варлаам был весьма высококлассным писцом¹⁹ и плодовитым переписчиком. Этот писец, помимо Лествицы, участвовал в создании двух троицких рукописей – житийного сборника, РГБ, Ф. 304/1. Собр. ТСЛ, I, № 682 (л. 41–190), а также первой части патеристического сборника РГБ, Ф. 304/1. Собр. ТСЛ, I, № 760 (л. 1–201 об.). Учитывая объемы переписанных Варлаамом текстов, крайне маловероятна долгая отлучка новгородского архимандрита, второго по значимости лица в новгородской церковной иерархии за пределы Новгорода на

¹⁴ Бобров А. Г. Новгородские летописи. С. 112–122.

¹⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 106–107, 123.

¹⁶ Бобров А. Г. Новгородские летописи. С. 122.

¹⁷ См., например: Кучкин В. А. Сотские в жалованных грамотах XV – начала XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. Вып. 4 (18). С. 64.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См., например, выполненный Варлаамом колофон в виде ромба на л. 249 в рукописи РГБ, Ф. 304. Собр. ТСЛ, I, № 156.

несколько лет, а также то, что этот факт вообще не нашел отражения в новгородском летописании.

Обращение к НК дает ответ на вопрос и о времени окончания Новгородско-Софийского свода. Совпадение известий С1, с одной стороны, и НК-Н4 – с другой, до статьи 1418 г. могло бы свидетельствовать об окончании общего протографа этим годом, тем более, что архетипный текст С1 также заканчивался 1418 г.²⁰ Однако дата 1418 г. ничем особенным не отмечена и не является рубежной. Если предположить, что Новгородско-Софийский свод по своей структуре сближался с НК, то и оканчиваться он должен был годовой статьей 1428 г. При этом статья 1428 г. вряд ли случайна, поскольку на следующий год скончался новгородский владыка Евфимий I и его место занял Евфимий II, предполагаемый заказчик текста свода. Вероятно, сразу же после занятия архиепископской кафедры Евфимий II распорядился начать подготовку к созданию параллельного текста к постоянно пополняемой владычной летописи, отражение которой мы находим в списках Н1 Младшей и Старшей редакции. Нам представляется, что, получив копию владычного свода, в которой еще не было записи о смерти Евфимия I, составители свода сразу принялись за работу. Ситуация 1430-х гг. способствовала созданию такого ретроспективного свода. Вполне мирные отношения с Москвой не препятствовали получению необходимых материалов. Исследователи обращали внимание на наличие в летописях новгородско-софийской группы уникальных смоленских известий²¹. Их появление, возможно, вызвано поездкой Евфимия II в Смоленск на поставление к митрополиту Герасиму в 1434 г. Столь грандиозная работа была вряд ли могла быть осуществлена за один год, и, скорее всего, начавшись в конце 1420-х гг., она шла все 30-е гг. XV в. В конце 30-х гг. XV в. в Новгороде некоторое время работал выдающийся книжник и агиограф Пахомий Логофет. Четвертая редакция его Жития Сергия явно испытала влияние Новгородско-Софийского свода²². При этом Пахомий мог быть посредником в передаче в Новгород текстов больших общерусских повестей, находящихся в С1-НК-Н4.

Для своего времени Новгородско-Софийский свод был гигантским шагом вперед, когда впервые была сделана попытка создать ретроспективный синтетический текст из предыдущих летописных текстов. Судя по энергичным действиям в области строительства, у Евфимия II была достаточно амбициозная культурная программа, распространявшаяся в том числе и на книгописание. Как мы указывали выше, составление Новгородско-Софийского свода, вероятно, шло параллельно с постоянным пополнением владычной летописи (Н1мл.). Вместе с тем в

---

²⁰ Шибяев М. А. Младшая редакция Софийской 1 летописи и проблема реконструкции истории летописного текста XV века // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*. Вып. 4. СПб., 2001. С. 370–373.

²¹ См., например: *Милютенко Н. И.* Южнорусская летопись... С. 19.

²² Шибяев М. А. Житие Сергия Радонежского и Новгородско-Софийский свод // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006. Вып. 1 (23). С. 53–58.

работах последнего времени приводятся аргументы, свидетельствующие об отсутствии обратного влияния Новгородско-Софийского свода на Н1мл.²³ Таким образом, хотя у обоих текстов был единый заказчик, ведение летописного дела велось не в одном скриптории. Как отмечает А. Г. Бобров, владычное летописание эпохи Евфимия II велось в Юрьеве монастыре²⁴. С другой стороны, по нашим наблюдениям, копирование летописных материалов при Евфимии II осуществлялось также при Вяжищком монастыре²⁵. Таким образом, в распоряжении архиепископа не было скриптория в западном понимании, т. е. постоянного штата писцов, которым бы можно было поручить грандиозную работу. Согласно наблюдениям Э. С. Смирновой, значительная часть новгородских рукописей в XV в. написана «на стороне» и происходит не непосредственно из книгописной мастерской при Софийском доме, а писцы их не принадлежали к причту главного новгородского собора²⁶. В этой связи, на наш взгляд, было бы разумным понимать деятельность книжников эпохи Евфимия II в рамках протоскриптория или распределенного скриптория, где писцы не сидели в одном помещении, а заказы архиепископа размещались в книгописных центрах, наиболее для этого приспособленных. Возможно, в случае с Новгородско-Софийским сводом это были Вяжицкий или Лисицкий монастыри, с которыми Евфимий II был связан перед тем, как стать архиепископом.

Новгородско-Софийский свод лежал у истоков сразу двух ветвей летописания. В Новгороде он был сведен в единый текст, постоянно редактировался и дополнялся – так произошли Старшая и Младшая редакция Н4. Московское летописание также активно использовало этот свод. Составление копии Новгородско-Софийского свода промосковской ориентации (С1) не следует воспринимать как дело необычное. Евфимий II в начале 50-х гг. стремился дистанцироваться от Шемяки и искал путей примирения с Василием II. В 1452 г. казначей Евфимия II Феодор, очевидно по желанию своего патрона, заказал в Москве список Хроники Георгия Амартола. Список был изготовлен «замышлением» дьяка Василия II Стефаном Бородатым²⁷. Это был явный жест доброй

---

²³ *Гимон Т. В.* Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 118–119; *Гиттис А. А.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2011. Вып. (1) 43 С. 18–30; *Милютенко Н. И.* Новгородская 1 летопись младшего извода и Общерусский летописный свод начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 162–222.

²⁴ *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.; СПб., 2008. С. 129.

²⁵ *Шибяев М. А.* Кодикологическое описание петербургских списков Краткой Хронографической Пален // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 148.

²⁶ *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 1994. С. 154–157.

²⁷ *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова (XV–XVI вв.) // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 23–28.

воли со стороны новгородского архиепископа. В последующем времени обилие новгородских известий в С1 требовало провести работу по их сокращению или даже устранению. Так произошла С1 Младшей редакции, отредактированная в Кирилло-Белозерском монастыре²⁸.

---

²⁸ *Шибанов М. А.* Списки Софийской 1 летописи Младшей редакции и Кирилло-Белозерский монастырь // *Очерки Феодальной России.* М., 2002. Вып. 6. С. 102–118.